

ВСЕ ПРАВО — ПУБЛИЧНОЕ (АПОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ)*

Пучков В. О.

Уральский государственный юридический университет
E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.

В статье рассматривается традиционная для российской юриспруденции концепция деления права на частное и публичное сквозь призму цифровизации и информатизации социальной сферы.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы определить эвристический потенциал теории деления права на частное и публичное в цифровую эру. В этой связи своими ключевыми задачами автор видел: определение основных концептуальных положений теории частного и публичного права, а также выявление фактов-фальсификаторов (К. Поппер) данной теории в информационном обществе.

Методологическая основа исследования представлена философской герменевтикой как основным философским средством познания, метанаучными средствами познания (системным подходом, классической логикой) и традиционными методами правоведения — юридической догматикой и юридической экзегезой.

Результаты исследования. В статье подвергается сомнению тезис об обоснованности и эвристической состоятельности теории частного права в современной правовой онтологии. Автор на основе анализа конкретных правовых актов и доктринальных источников обосновывает измышленный характер концепции частного права в условиях актуального типа правопонимания.

Автор делает **вывод о том**, что подлинно частноправовые отношения складываются в настоящее время только в цифровой среде.

Ключевые слова: право, публичное право, частное право, цифровое пространство, информационные технологии, медиакультура, методология.

ALL THE LAW IS PUBLIC (THE APOLOGY OF DIGITAL REALITY)

Puchkov V. O.

Ural State Law University,
E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.

The article deals with the traditional conception of the division of the law in public in private in Russian jurisprudence. The specified conception considers in the context of digitalization of the social sphere.

The purpose of the theoretical study is to determine the heuristical capacity of the theory of the law division into private and public in the digital era. In this regard, the author's key tasks are: to determine the basic theoretical foundations of the theory of private and public law and this theory's falsification facts (K. Popper) as well.

The research methodology is represented by philosophical hermeneutics as the main philosophical means of cognition, meta-scientific means of cognition (systematic approach, classical logic) and traditional methods of legal science (legal dogmatic and legal exegesis).

Results. Article argues thesis stating that private law theory is reasonable and heuristically valid in modern legal ontology. Basing on the analysis of series of legal acts and different theoretical approaches author proves the problem of digital image's legal regime to be made up under the modern type of the understanding of the law.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

Author justifies **the conclusion** of the truly private law relations to consist in the digital sphere only.

Keywords: law, public law, private law, digital sphere, informational technologies, mediaculture, methodology.

Тезис о делении права на частное и публичное настолько прочно укоренился в нашем научном правосознании, что по существу приобрел характер аксиомы, непререкаемой истины, не нуждающейся в каком-либо дополнительном доказывании и методологическом обосновании¹. «Деление права на частное и публичное, — отмечается в современной отечественной литературе, — исторический факт, и научная задача состоит в том, чтобы *описать и объяснить этот факт* (курсив мой — В. П.)» [53, с. 933]. Такая методологическая установка отражает, с нашей точки зрения, господствующее в юридическом мышлении представление о разделении права на частное и публичное как об утверждении аподиктического характера (то есть «достоверном... через самого себя» [6, с. 349]), которое нуждается не столько в проблематизации и теоретической разработке, сколько в обосновании и реализации.

По этой причине тезис, вынесенный в заглавие настоящей статьи, может показаться как минимум небесспорным, а как максимум — абсурдным. Однако, предваряя ряд возражений, которые могут выдвинуть читатели относительно данного утверждения, обратимся к тем философско-методологическим посылкам, которые стали его основанием.

Известно, что идея о разделении права на частное и публичное берет свое начало еще в эпохе римской юриспруденции; впервые такая концепция была сформулирована Ульпианом, который предложил такое разделение на основании характера защищаемого правом интереса. Дошедший до нас текст юстиниановых Дигест весьма емко передает содержание этой идеи: *Publicum ius est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem*² (D. 1.1.1.2). Конечно, функциональный, инженерно-прикладной характер римской юриспруденции исключал в этом смысле придание данному выводу научного (в современном понимании) значения³, и, следовательно,

мы не можем достоверно утверждать, что разделение права на частное и публичное было для римлян такой же априорной истиной, как для современных юристов. Здесь важным представляется то, что истоки этой идеи прослеживаются еще до ее правового оформления. Вероятно, философским основанием юридических представлений о таком дуализме права является концепция уравнивающей и распределяющей справедливости, сформулированная Аристотелем в его этическом учении. По Аристотелю, уравнивающая справедливость «проявляется в уравнивании того, что составляет предмет обмена» [7, с. 86—87], а распределяющая характеризует государственно-властное распределение благ по статусу и заслугам граждан. Вполне возможно, что в области права идея о разделении права на частное и публичное сформировалась именно благодаря приведенной концепции Аристотеля, стала своего рода *argumentum a simili*, в контексте которого уравнивающая справедливость становится основой частного права, а распределяющая — публичного [52, с. 95; 68, с. 66].

Характер защищаемого интереса в дальнейшем становится центральным моментом в классификации права на частное и публичное. Так, в соответствующей логике рассматривают данную проблему глоссаторы и комментаторы [41, с. 22], затем — представители гуманизма и историко-филологической школы [39, с. 140], после них — юснатуралисты [29, с. 264] и философы права [34, с. 15]. Подобные же воззрения на основания разделения права на частное и публичное прослеживаются впоследствии в исследованиях исторической школы юристов [22, с. 67]. Характерен соответствующий подход и для отечественной науки о праве (как дореволюционного [61, с. 208—209], так и советского [15, с. 32; 65, с. 26] и, как уже было отмечено, современного периода).

Таким образом, с позиции своих фундаментальных теоретико-методологических оснований концепция частного и публичного права базируется на определенном противопоставлении интересов частных лиц и государственных, публичных интересов, сконцентрированных на «организации государства и порядка функционирования его органов» [31, с. 217]. В целом, если взглянуть на рассматриваемую

ное построение» [66, с. 62]. См. также: [40, с. 29; 58, с. 89; 60, с. 110—113; 69, с. 357].

¹ Характерно в этом смысле утверждение Г. Радабуха об априорном характере самих понятий частного и публичного права, которые «предшествуют правовому опыту и изначально требуют проявления» [49, с. 142].

² «Публичное право есть то, которое относится к положению Римского государство, частное — то, которое относится к пользе отдельных лиц» (лат.).

³ Римская юриспруденция — пишет в связи с этим О. Шпенглер, — это «опытная наука единичных случаев, одухотворенная техника, а вовсе не какое-то абстракт-

проблему с позиций «нормальной науки» (Т. Кун), то можно выделить два фундаментальных, смыслообразующих критерия, в соответствии с которыми происходит отнесение той или иной правовой нормы (института, отрасли) к сфере частного или публичного права:

1. *Материальный (предметно-регулятивный) критерий*. Сообразно такому критерию к частному праву относятся все нормы, касающиеся взаимных отношений субъектов, признаваемых юридически равными для целей реализации этих отношений и действующих в условиях свободного волеобразования и волеизъявления. В тех случаях, когда предметом регулирования выступают отношения юридически неравных субъектов, находящихся в отношениях власти и подчинения, речь идет именно о публичном праве.

2. *Формальный критерий (критерий метода регулирования)*. Указанный критерий позволяет относить к области частного права все нормы, построенные на началах диспозитивности, а к области публичного права, соответственно, сформулированные на началах императива.

Итак, обобщая изложенное, можно сделать вывод, что право является частным, когда осуществляет диспозитивное регулирование отношений между юридически равными, независимыми друг от друга субъектами, и публичным, когда в орбиту его регулирования попадают властные по своей сущности отношения, нуждающиеся в императивном регулировании, чтобы, с одной стороны, обеспечить общественный порядок (то есть подчинение всех членов общества органам публичной власти), а с другой стороны, четко регламентировать рамки допустимого использования властных полномочий.

Prima facie, сказанным в целом, исчерпывается существо рассматриваемой проблематики. Однако для нас изложенное является в первую очередь исходным научно-информационным фундаментом, на котором будет построена в дальнейшем предлагаемая концепция. В этой связи необходимо отметить, что частное и публичное право — это юридические конструкции, отражающие в первую очередь «реальность» сознания, социокультурных интерпретаций и их знаково-языкового оформления» [43, с. 83]. Следовательно, концепция разделения права на частное и публичное не может иметь однозначного онтологического решения и условна в той же мере, в которой условна и сама методология постановки данной проблемы, и ее социокультурные основания. Как и любая гуманитарная наука, правоведение в этом смысле имманентно находится

в ситуации, характерной для постнеклассической научной рациональности в том смысле, что результаты научно-юридического исследования всегда (со времен глоссаторов¹ и до наших дней) обусловлены не только характеристиками изучаемого объекта, но и характером исследовательской методологии, а также ценностно-целевыми структурами общества [48, с. 205; 57, с. 634]. В этом смысле наш исходный тезис состоит в том, что *в реалиях цифровой эпохи, когда происходит «медиаальный поворот», сопровождаемый «растворением» социального бытия в концептуальном пространстве цифровой, виртуальной реальности* [55, с. 19—24], *традиционные представления о частном и публичном праве теряют свое теоретическое значение и постепенно превращаются в спекулятивно-метафизические конструкции*. Принципиальным в этом смысле видится следующее замечание В. В. Архипова: «Право, — пишет автор, — нацелено на регулирование реальности, но «жесткая реальность» доинформационного общества, в котором сложились основные институты права и само право как социальный институт, трансформируется в современную «игривую медиа-реальность», в которой сложно (но при этом необходимо!) найти принцип, по которому мы сможем *определять ту область применения норм, имеющих представительско-обязывающий характер, которая не будет противоречить здравому смыслу, иными словами — не приведет к абсурду* (курсив мой — В. П.)» [9, с. 139].

В этой связи, выдвигая тезис о существенном снижении теоретического значения самой концепции частного и публичного права в цифровую эпоху, мы должны, тем не менее, ответить на вопрос, почему с нашей точки зрения *все право* является публичным, и почему в таком случае мы вообще оперируем категориями частного и публичного права. *Prima facie* здесь логика наших рассуждений обнаруживает существенное противоречие, ведь вряд ли имеет смысл утверждать о публичном характере

¹ Здесь следует отметить, что с нашей точки зрения правовая наука возникает именно в эпоху глоссаторов (а не в XIX столетии, как это принято считать), поскольку именно их исследовательской деятельности присущи два фундаментальных признака науки *per se* — предмет (которым выступала воплощенная в *Corpus Iuris Civilis* догма римского права как устоявшиеся правила юридического смыслообразования) и системно организованный метод (поскольку посредством применения схоластического метода, концептуализма и аристотелевской диалектики глоссаторы заложили основы собственно юридических методов исследования — юридической догматики и юридической экзегезы). Об этом см. подробнее: [14, с. 153; 23, с. 194; 44, с. 10].

всего права в целом, если мы при этом считаем неактуальной саму концепцию частного и публичного права. Однако в этом и заключается основная задача нашего исследования. Мы ставим перед собой цель показать, что в ситуации медиального поворота *теория о разделении права на частное и публичное теряет смысл именно потому, что в реалиях цифрового общества все право становится публичным, а подлинно частное право находится по преимуществу за пределами позитивно-правового регулирования.*

Обосновывая приведенное суждение, обратимся в связи с этим к актуальным представлениям о праве *per se*. Традиционным для нашей юриспруденции является концептуальный тезис, в соответствии с которым право является одной из форм социального нормативного регулирования [4, с. 23] (наряду, к примеру, с моралью, религией, обычаями, традициями и — что особенно важно! — корпоративными нормами [16, с. 29—31]). В таком контексте право рассматривается через призму системы норм, непосредственно исходящих от государства и обеспеченных его принудительной силой [3, с. 104; 5, с. 52; 35, с. 205; 42, с. 332—341; 47, с. 87; 59, с. 196]. Следовательно, качеством права в такой логике обладают лишь те социальные нормы, которые устанавливаются государством. Эти нормы могут иметь самое различное содержание, могут быть императивными или диспозитивными по характеру регулятивного воздействия, но *качество правовых придает им именно неразрывная связь с государством как с первичным источником правообразования* [54, с. 169]. В связи с этим, даже если исходящие от государства правовые нормы регулируют отношения частных лиц, основанные на частном интересе (то есть относятся к области гражданского права как смысловой основе права частного), то несмотря на это такие нормы будут в конечном итоге всегда императивными постольку, поскольку выражают общую волю социума, публичную волю¹.

Может показаться, что такой тезис не имеет под собой достаточных оснований. Так, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК) предусматривает в пункте 1 статьи 421² принцип свободы договора, в силу

¹ Такой подход представляется нам обоснованным в том контексте, что государственно-правовая мысль исходит из определения государства как политико-правовой организации общества, носителя общесоциальных интересов, находящих свое отражение в системе позитивно-правовых установлений (см., например: [1, с. 36; 45, с. 70; 50, с. 27—29]).

² Гражданский кодекс Российской Федерации : часть первая : от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994 г. № 32. Ст. 3301.

которого субъекты гражданского права вступают в договорное правоотношение на началах свободного волеобразования и волеизъявления. Очевидно, что здесь не имеется какого-либо императива, а следовательно, принцип свободы договора и система норм, обеспечивающих его реализацию, являются очевидным доказательством существования частного права. Однако, с нашей точки зрения, в этом смысле следует учитывать ряд факторов.

Во-первых, в контексте актуального типа правопонимания качеством формы права ГК обладает именно *как государственный нормативно-правовой акт*. В этом ключе правила о свободе договора транслируют волю государства в целом, волю публичного субъекта. «...У государства, — обоснованно замечает А. Х. Нуриев, — интерес всегда публичный, следовательно, и продвигаться он может с использованием публично-правовых средств, в том числе, установлением императивных предписаний даже для... частных правоотношений» [46, с. 200]. В этом смысле принцип свободы договора отражает в первую очередь именно публичные интересы, интересы всего общества в целом. Таким образом, *смысловым ядром любой правовой нормы являются в конечном итоге общегосударственные интересы*, в соответствии с которыми то или иное поведение может быть причислено к области или должного, или допустимого, или запрещенного. Следовательно, герменевтически любой нормативно-правовой акт, будучи отражением публичных интересов, содержит в этом смысле нормы публичного права.

Во-вторых, изложенное выше обуславливает объективную возможность государства как единственного (в контексте актуального типа правопонимания) субъекта правотворчества в одностороннем порядке изменять свое видение юридически дозволенного. Тем самым в рассматриваемой ситуации не исключено одномоментное «вторжение» императивных элементов в координационные по своему типу договорные отношения частных лиц. Хрестоматийным примером в этом смысле является Указ Президента Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 2204 «Об обеспечении правопорядка при осуществлении платежей по обязательствам за поставку товаров (выполнение работ или оказание услуг)»³, в силу которого был установлен предельный срок денежных расчетов по коммерческим договорам,

³ «Об обеспечении правопорядка при осуществлении платежей по обязательствам за поставку товаров (выполнение работ или оказание услуг)» : Указ Президента Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 2204 // Собр. законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3690.

равный трем месяцам с момента фактической поставки товаров (выполнения работ или оказания услуг). Чем было обусловлено подобное регулирование, по сути представляющее собой ограничение гражданских прав? Очевидно, что данное правило вряд ли было необходимо для защиты конституционного строя, нравственности и т. д. (пункт 2 статьи 1 ГК). Однако в современных реалиях подобная ситуация является скорее исключением, чем правилом, в отличие, в частности, от советского периода развития отечественного права, когда, к примеру, статья 234 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.¹ прямо предусматривала обязанность сторон обязательства изменить его содержание сообразно изменениям в актах планирования. Гражданское право тем самым является частным лишь постольку, поскольку это допускается государством. Иными словами, *даже частноправовые по своему текстуальному содержанию нормы имеют в конечном итоге публичную сущность в силу того, что транслируют волю государства* относительно дозволенного поведения частных субъектов, определяя в каждом юридически моделируемом отношении *ту степень диспозитивности, которая соответствует публично-правовым интересам*. Л. Т. Бакулина, посвятившая свое диссертационное исследование теоретико-правовой интерпретации договорного правового регулирования, обращает при этом внимание на то, что «прямые связи между договорным и односторонне-властным уровнями правового регулирования имеют характер *субординационной подчиненности* (курсив мой — В. П.)» [10, с. 124]. Автор делает обоснованный вывод, что «договорное регулирование, являясь самостоятельным уровнем праворегулятивной деятельности, в то же время представляет собой *непосредственное продолжение односторонне-властного регулирования, т. е. индивидуализирует, развивает или просто дублирует выработанные там модели поведения применительно к конкретным лицам* (курсив мой — В. П.)» [10, с. 125]. Исследователь тем самым совершенно точно отмечает растворение частного права в публичном в том смысле, что любой частноправовой акт поведения представляет собой конкретизацию публично-правовых установлений в той степени дискреции, которая адресована субъекту. Однако при этом такая дискреция всегда остается жестко ограниченной со стороны императивных положений закона и, более того, может быть в еще большей степени ограничена

¹ Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г. № 24. Ст. 406.

в дальнейшем. Фактически и свобода договора, и иные частноправовые по сути принципы гражданского права — это отражение воли общества, которую субъекты права объективно обязаны реализовывать.

Наконец, в-третьих, нельзя не отметить, что с позиции актуальной юридической доктрины гражданско-правовой договор — смысловая основа частного права — не признается источником права *per se*, поскольку не обладает свойством нормативности. Здесь показательны рассуждения В. С. Белых о необходимости различения нормативного и индивидуального договора. «О нормативном договоре — замечает исследователь — можно говорить применительно к *публично-правовым соглашениям* (курсив мой — В. П.)» [12, с. 137]. В свою очередь, на взгляд автора, «гражданско-правовой договор представляет собой вид сделки..., а также индивидуальный правовой акт. В этом качестве *гражданско-правовой договор не обладает такими свойствами права как нормативность и общеобязательность* (курсив мой — В. П.)» [12, с. 138]². В том же ключе рассуждает А. Д. Корецкий, определяющий гражданско-правовой договор в качестве акта поднормативного регулирования, который не создает правовых норм [30, с. 14]. Рассматривая гражданско-правовой договор в контексте теории правовых средств, Л. Т. Бакулина четко разграничивает правовую норму и норму договора, которая, с позиции автора, не является видом нормы права [10, с. 23].

Все вышеизложенное дает, с нашей точки зрения, основания полагать, что само понимание частного права, выработанное отечественным правоведением, не находит принципиального обоснования в наблюдаемой онтогносеологической схеме, в которой смысловые акценты правопонимания смещены в область позитивизма, а основная форма частного права — гражданско-правовой договор — находится в «подчиненном» состоянии по отношению к нормам закона. С этих позиций понятия «право» и «частное право» нельзя признавать находящимися в родовидовых отношениях, поскольку в современных реалиях частное право, то есть право, создаваемое в контексте отношений между юридически равными, не зависящими друг от друга субъектами, приобретает характер поднормативной системы, подчиненной содержанию правовых норм. Смысл частного права *per se*, с нашей точки зрения, выражает следующее изречение римского юриста Павла: договор — это «закон для двоих» [19, с. 208]. Однако в современных

² Иной взгляд на данную проблему демонстрирует М. Ф. Казанцев [24, с. 103].

условиях такая концептуализация имеет скорее научной метафоры, поскольку в действительности частнопредметное регулирование не является *правовым* с позиции актуального типа правопонимания.

Таким образом, выдвигая тезис о том, что все право является публичным, мы можем классифицировать аргументы в пользу такого подхода, выделяя среди них: *гносеологический* (то есть познавательное отношение к праву как к системе исходящих от государства норм социального поведения), *аксиологический* (подчиненность всех средств правового регулирования общесоциальным ценностям и воле социума в лице государства) и *онтологический* (действительная возможность государства вносить публичные элементы в частные отношения, ограничивать пределы дискреции частных субъектов в контексте их взаимного поведения и в конечном итоге — произвольно формулировать нормы права).

Итак, с нашей точки зрения, основной идеей частного права выступает идея автономного регулирования, при которой, как верно замечал С. С. Алексеев, социально-регулятивные, правотворческие по своему характеру функции осуществляются самими участниками общественного отношения [2, с. 162]. При этом даже обращение к нормам и принципам гражданского права не позволяет сделать вывод о том, что эта идея нашла свое отражение в социально-правовой практике. Разумеется, как верно замечает Л. Н. Берг, «право — это идеальная, мысленная модель, которая не всегда совпадает с необходимым материальным результатом» [13, с. 190]. Однако концепция частного права как идеальное построение должна так или иначе соотноситься со смысловыми акцентами понимания права¹, с социально-правовой реальностью, ее эмпирическим компонентом для обоснования своего научного характера [64, с. 81]. В текущей же ситуации теория частного права по сути «отрывается» от реальности, приобретая характер спекулятивно-метафизического полагания, то есть по сути *становится не юридической, а философской концепцией*.

Дает ли сказанное основания полагать, что частного права в действительности нет? С концептуально-методологических позиций такие основания безусловно есть. С нашей точки зрения, жизнеспособность частного права как юридической теории в текущей ситуации может обеспечить только *качественное переосмысление правопонимания, смещение акцентов в концептуализациях права из области позитивизма в сферу широкого типа правопонимания*,

¹ «Понимание права, — пишет в связи с этим В. П. Малахов, — и есть его реальность» [37, с. 16].

то есть определение права как всего комплекса социальных феноменов, имеющих в силу актуальных социокультурных контекстов правовой характер. Неслучайно в связи с этим философия права уже с момента своего зарождения в учениях естественно-правовой школы основывалась на различении права и закона (к которому по сути и сводится сущность права с точки зрения актуального научного правосознания) [11, с. 39; 20, с. 14; 21, с. 244—245; 62, с. 214].

Таким образом, с нашей точки зрения обоснование идеи частного права, ее теоретического оформления в предмете правоведения, детерминирует необходимость рассмотрения права в социокультурном, и прежде всего — в *медиакультурном* контексте. Отметим в связи с этим, что в философском понимании медиакультура представляет собой «совокупность информационно-коммуникационных средств, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [27, с. 18]. Тем самым медиакультура представлена в сознании человека как система цифровых артефактов, знаково-символьная система, замещающая собой резидентные ее предметам и явлениям предметы и явления эмпирической действительности [26, с. 16]. Здесь видится методологически значимым замечание Г. П. Щедровицкого о том, что процесс знакового замещения реальности в сознании является предпосылкой формирования теоретического мышления вообще, перехода от объектной (натуральной) схемы восприятия мира к предметно организованной [67, с. 186]. Итогом такого замещения становится образование субъективной реальности, ядром которой становятся абстрактные понятия как форма выражения знаний и деятельности. С этой позиции и правовая действительность, и действительность информационно-телекоммуникационной сферы — это явления одного порядка, поскольку и та, и другая представляют собой в первую очередь *конструкты мышления*, отражающие вторичную (по отношению к эмпирически воспринимаемой) реальность. Следовательно, исходные предпосылки теоретического оформления права и информационно-телекоммуникационной среды закладываются системой эмпирических данных общественной жизни. Однако здесь принципиально отметить фундаментальные отличия правовой реальности от медиареальности. Так, если первая была и остается *реальностью мышления*, абстракцией социальных процессов, то вторая в последнее время начинает стихийно опредмечиваться,

формировать артефакты, существующие объективно и не нуждающиеся для своей действительности в мышлении. Определенность медиареальности выражается, в частности, в активном включении в гражданский оборот «цифровых валют» (криптовалют), виртуальных (в первую очередь — игровых) объектов, в создании имеющих коммерческую ценность пользовательских аккаунтов и т. п. Артефакты медиареальности, таким образом, сформировались сначала в результате удаления человека от естественной среды, смещением основных акцентов его деятельности в информационно-телекоммуникационную сферу, а затем — вследствие формирования внутри этой сферы цифровых аналогов реальных экономических благ. Столкнувшись с такими цифровыми артефактами как с феноменальностью, право в связи с этим не смогло включить их в существующий концептуальный строй юридических категорий. Показательна в этом смысле дискуссия о природе цифровых объектов, которые цивилистам не удастся подвести ни под одну из известных гражданско-правовой теории конструкций объектов гражданских прав [32, с. 412; 33, с. 108—109; 51, с. 45; 63, с. 6].

Представляется, что одна из ключевых причин того, что потенциал актуальной правовой теории оказывается недостаточным для концептуализации цифровых объектов, явлений и процессов, заключается именно в том, что юриспруденция, методологически организованная на началах философского позитивизма и позитивного правопонимания, столкнулась именно с *частноправовыми по своей сущности феноменами*. Действительно, процесс взаимодействия людей в цифровом пространстве основан на началах автономного регулирования. Сообщества людей в цифровой сфере создают собственные регуляторы поведения (к примеру, пользовательские соглашения участников онлайн-игры, социальной сети, видеохостинга и т. п.), которые не имеют государственно-правовую природу и в связи с этим не вписываются в методологическую матрицу актуального типа правопонимания [8, с. 113]. Вместе с тем, такие регуляторы имеют все качества правовых, за исключением государственно-принудительных контекстов. Так, к примеру, нарушение участником онлайн-игры ее правил может повлечь за собой блокировку аккаунта, которая *de-facto* является мерой ответственности в цифровом пространстве. Более того, объективной ситуацией современной медиареальности становится заключение сделок, предметом которых выступают виртуальные объекты (в том числе и приобретенные за реальные деньги). Правила

этих сделок, соответственно, формулируются только их сторонами на началах автономии воли. Тем самым, по сути, деятельность человека в информационно-телекоммуникационной среде приобретает характер правовой, и более того — как правило, частноправовой (в том исходном смысле, который был заложен еще римской юриспруденцией).

Разумеется, в сфере юридической практики неоднократно предпринимались (и предпринимаются) попытки «подведения» реалий цифрового взаимодействия под традиционные юридические конструкции. Однако эти попытки не имеют единообразного теоретического фундамента и по сути являются частными случаями решения той или иной проблемы. Здесь взгляд юристов на существо общественных отношений в цифровой среде не является теоретически организованным, а имеющиеся образцы практического разрешения данных вопросов являются в этом смысле казуистикой. Характерным примером в этом смысле является практика арбитражных судов по вопросу об определении юридической сущности криптовалюты. Так, в одном из дел о признании должника банкротом арбитражный управляющий заявил требование о включении в конкурсную массу принадлежащей должнику криптовалюты. Однако суд отказал в удовлетворении указанного требования, отметив, что в отсутствии законодательных норм, регулирующих использование криптовалюты в гражданском обороте, решение о включении криптовалюты в конкурсную массу не будет иметь юридических механизмов исполнения¹. В то же время в другом деле арбитражный апелляционный суд решил данную проблему диаметрально противоположным образом, включив криптовалюту в конкурсную массу должника в качестве иного имущества².

Такая ситуация в области юридической теории и практики осложняется тем, что основные акценты социальной деятельности постепенно переносятся в информационно-телекоммуникационное пространство (как «вторичную реальность»), и не исключено, что *в обозримом будущем право будет сталкиваться с этой реальностью не в том числе, а прежде всего*. И в этом смысле отсутствие частного права как явления правовой действительности проявляет себя в том, что общественные отношения субъектов информационного взаимодействия

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 24 октября 2017 г. по делу № А40-124668/17-71-160 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

в цифровой среде, частноправовые по своей природе, до сих пор не получили надлежащего правового оформления и осмысления. Публичность всего права, опосредованная его государственной природой, его ориентированностью на общесоциальные (публичные) интересы, ярче всего проявилась в этом смысле именно в гражданском праве, конструкции которого оказались не готовыми к вызовам информационного общества с его идеалами автономности и индивидуальности.

В чем заключается причина такого положения вещей? С нашей точки зрения, основанием рассматриваемой проблемы является именно методология юридического познания, которая по сути исключает саму возможность восприятия того или иного явления в его *частноправовой сущности*. Обосновывая данную позицию, подчеркнем, что процесс правообразования, юридического оформления общественных отношений начинается «изнутри» социальной сферы. Здесь важно отметить, что право, правовая действительность — это особый концепт действительности социальной, и в этом смысле соединяет в себе и объективное, и субъективное начало. «Правовые конструкции, — пишет в связи с этим Г. А. Гаджиев, — не только созданы интеллектом человека, но и воспроизведены, открыты. Человек, конечно, обладает творческим началом и, *встречая объективную заданность в устройстве социума, развивает объективные данности в виде юридического концепта* (курсив мой — В. П.)» [17, с. 283]. В такой логике юридический смысл «цифровизации» социальной сферы первоначально отражается именно в социальной практике: «правовое» качество явлений и процессов возникает, таким образом, «изнутри» самих информационно-телекоммуникационных отношений, и только впоследствии фиксируется «извне» — в тексте закона. В этой связи актуален тезис Б. А. Кистяковского, который отмечал: «...при социально-научном изучении права надо признать осуществление права основным моментом для познания его и соответственно этому исходить из рассмотрения права в его воплощении в правовых отношениях. Итак, надо смотреть на то право, которое живет в народе и выражается в его поведении, в его поступках, в его сделках, а не на то право, которое установлено в параграфах кодексов. *В этом изменении самого объекта наблюдения и заключаешься расширение нашего познания права* (курсив мой — В. П.)» [28, с. 346—347].

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс образования права *per se* подчинен логике «данность — концепт — конструкт». Сообразно этому вся система общественных

отношений в цифровой среде является объективной¹ *данностью*. В свою очередь в процессе познания и осмысления этой данности мышление формирует ее разноаспектные проекции, отражающие те или иные сущностные характеристики данности, ее *концепты* [36, с. 11—35; 56, с. 40—43]. Одним из таких концептов является и юридический концепт, который, тем не менее, остается идеальным до своего нормативного оформления. Итогом его становится формирование права как *конструкта*, который объективирует и существо данности, и содержание концепта [25, с. 24—25; 38, с. 9].

Таким образом, если рассматривать процесс образования права в предложенной логике, то позитивное нормотворчество здесь предстает не началом права, а итогом его оформления в виде нормативных предписаний. Соответственно, развитие данностей информационной сферы в виде ее юридического концепта обуславливает их частноправовую интерпретацию, их определение как сложной самоорганизующейся (и, следовательно, саморегулирующей) системы. Правила функционирования такой системы формируются внутри ее самой и подлежат юридическому оформлению в ее пределах. В этом смысле вся система социальных норм взаимодействия в информационно-телекоммуникационной сфере является совокупностью норм *частного права, права, создаваемого частными лицами для регулирования отношений друг между другом*.

Однако представляется, что неспособность права в его актуальном состоянии претендовать на регулирование таких отношений обусловлена не только характером позитивно-правовых установлений, но и спецификой *юридического мышления*. Известно, что практико-ориентированное профессиональное правосознание воспринимает социальные отношения, как правило, в «модельном» фокусе, то есть путем «подведения» той или иной социальной практики под ту или иную нормативную юридическую конструкцию. Иными словами, в юридическом мышлении имеет место «двухфокусное» институциональное представление права «отношение — норма» [58, с. 245]. Очевидно, что в таких представлениях из концептуальной логики выпадает ее ключевой элемент, *юридический концепт*, обеспечивающий взаимосвязь социального бытия с нормой права. Такая ситуация в принципе понятна, поскольку традиционная концепция права как системы норм, исходящих от государства, не требует

¹ Говоря о социальной сфере как об объективной данности, мы исходим из гегелевского понимания объективного как «самого по себе завершенного, готового» [18, с. 34].

от юриста проблематизации юридического концепта действительности, не ставит перед ним вопрос, *почему то или иное общественное отношение имеет характер правового*. В этом смысле устоявшийся позитивистский тип правопонимания объективно избавляет юриста от необходимости таких размышлений, поскольку ответ на вышеуказанный вопрос за него уже дан государством (почти что в логике «потому что я так сказала!»).

Иная ситуация возникает в случае явной недостаточности правового регулирования тех или иных общественных отношений. Отмеченное Н. Н. Тарасовым «двухфокусное» представление права, прочно укоренившись в профессиональном правосознании, объективно требует в этом смысле отнесения таких отношений к сфере регулирования той или иной нормы права. Однако именно в этом смысле проблематизируется ключевой вопрос нашей теории права — *вопрос о правопонимании*. И здесь становится необходимым отыскание юридического концепта, то есть, по сути, юридическая рефлексия общественного отношения *per se*.

Представляется в связи с этим, что юридическая концептуализация отношений в информационно-телекоммуникационном пространстве нуждается в предложенной нами трактовке через логику «данность — концепт — конструкт», поскольку «двухфокусная» концептуализация таких отношений, как было

отмечено ранее, не всегда теоретически состоятельна. Иными словами, перед современными юристами встает фундаментальный по своему характеру вопрос: *имеют ли отношения в цифровой сфере правовой характер?* В связи с этим очевидно, что утвердительный ответ на данный вопрос можно дать только в контексте теории частного права, онтология которой, по сути, нивелируется актуальным типом правопонимания.

Итак, все право является публичным. Но публичным лишь постольку, поскольку мы понимаем право как публичную волю, волю государства. Однако очевидно, что в условиях медиареальности позитивное правопонимание обнаруживает существенные теоретические и прикладные дефекты. В этом смысле, по нашему мнению, цифровизация социальных процессов опосредует необходимость и актуальность постановки одного из вечных вопросов юриспруденции — вопроса о том, *что есть право*. Представляется, что от ответа на него зависит вся дальнейшая концептуализация информационно-технологических явлений и процессов с точки зрения права, а следовательно, принципиальное будущее юридической науки и практики в условиях информационного общества. Тем самым, с нашей точки зрения, актуализируются в первую очередь разработки теории частного права как основы социально-го взаимодействия в реалиях цифровой эпохи.

Список литературы

1. Алексеев, Н. Н. Очерки по общей теории государства : Вып. 1 : Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Н. Н. Алексеев. — Москва : Московское науч. изд-во, 1919. — 208 с.
2. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. — Москва : Юридическая литература, 1966. — 187 с.
3. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс в 2 томах. Том 1 / С. С. Алексеев. — Москва : Юридическая литература, 1981. — 360 с.
4. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. — Москва : Юридическая литература, 1989. — 286 с.
5. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — Москва : Издательство БЕК, 1995. — 320 с.
6. Аристотель. Собрание сочинений в 4 томах. Том 2 / Аристотель : ред. З. Н. Микеладзе. — Москва : Мысль, 1978. — 687 с.
7. Аристотель. Этика / Аристотель. — Санкт-Петербург : Филос. о-во при Имп. С.-Петерб. ун-те : Типография т-ва Общественная польза, 1908. — LXIV, 207 с.
8. Архипов, В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований / В. В. Архипов // Правоведение. — 2013. — № 2 (307). — С. 93—114.
9. Архипов, В. В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Архипов Владислав Владимирович. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2019. — 757 с.
10. Бакулина, Л. Т. Общая теория договорного правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Бакулина Лилия Талгатовна. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. — 440 с.
11. Бачило, И. Л. Право и закон : инфокоммуникативный аспект / И. Л. Бачило // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. — 2013. — № 4. — С. 37—47.

12. Белых, В. С. Модернизация российской экономики и предпринимательского законодательства : вопросы теории и практики : монография / В. С. Белых ; под общей ред. акад. РАН А. И. Татаркина. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2011. — 263 с.
13. Берг, Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Берг Людмила Николаевна. — Екатеринбург, 2018. — 429 с.
14. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман ; пер. с англ. — 2-е изд. — Москва : Изд-во МГУ : Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. — 624 с.
15. Братусь, С. Н. О предмете советского гражданского права / С. Н. Братусь // Советское государство и право. — 1940. — № 1.
16. Бялт, В. С. Система социального регулирования: теоретико-правовой аспект / В. С. Бялт, С. Н. Трипутин // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. — 2017. — № 1 (73).
17. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. — 320 с.
18. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. — Санкт-Петербург : Наука : С.-Петерб. изд. фирма, 1997. — 799 с.
19. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов / В. Г. Графский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2007. — 752 с.
20. Грибакин, А. В. Предельные основания нормативности общественной жизни, поведения индивидов / А. В. Грибакин // Мир человека : нормативное измерение-2 : сборник трудов Международной научной конференции (Саратов, 29—30 апреля 2010 г.) / редкол.: И. Д. Невважай (отв. ред.) [и др.] — Саратов : Саратовская государственная академия права, 2010. — С. 13—17.
21. Двадцать лекций по философии : учеб. пособие / А. В. Грибакин, Ю. Г. Ершов, В. Е. Кемеров [и др.] ; Рос. филос. о-во и др. — 2-е изд. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. — 408 с.
22. Дюги, Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона / Л. Дюги ; пер. с франц. М. М. Сиверс, под ред. и с предисл. проф. А. Г. Гойхбарга. — Москва : Гос. изд-во, 1919. — 110 с.
23. Исаев, И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография / И. А. Исаев. — Москва : Проспект, 2014. — 364 с.
24. Казанцев, М. Ф. Договорное регулирование : цивилистическая концепция / М. Ф. Казанцев. — Екатеринбург : Тип. Центра акад. обслуживания УрО РАН, 2005. — 449 с.
25. Качанов, Ю. Л. Эпистемология социальной науки / Ю. Л. Качанов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 228 с.
26. Кириллова, Н. Б. Медиакультура и основы медиаменеджмента : учеб. пособие / Н. Б. Кириллова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 182 с.
27. Кириллова, Н. Б. Медиакультура : теория, история, практика / Н. Б. Кириллова. — Москва : Культура : Акад. проект, 2008. — 494 с.
28. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. — Москва : М. и С. Сабашниковы, 1916. — 704 с.
29. Козлихин, И. Ю. Гуго Гроций / И. Ю. Козлихин // Правоведение. — 1999. — № 4. — С. 263—271.
30. Корецкий, А. Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Корецкий Аркадий Данилович. — Ростов-на-Дону : Северо-Кавказская Академия государственной службы, 2007. — 58 с.
31. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов ; авт. предисл. И. Ю. Козлихин. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 430 с.
32. Кравченко, Д. Е. Новое или неурегулированное старое / Д. Е. Кравченко, М. Е. Кравченко // Российская юстиция в XXI веке : реалии, проблемы, перспективы. — 2019, вып. 3.
33. Лисаченко, А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав / А. В. Лисаченко // Российский юридический журнал. — 2014. — № 2 (95).
34. Лукоянов, К. И. Концепция частного права в метафизике Иммануила Канта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лукоянов Константин Игоревич. — Санкт-Петербург, 2004. — 24 с.
35. Любашиц, В. Я. Теория государства и права : учебное пособие / В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев, А. Ю. Мамычев. — 3-е изд. — Москва : ИЦ РИОР : НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 526 с.
36. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. — Архангельск : Издательство Архангельского государственного университета, 1997. — С. 11—35.
37. Малахов, В. П. Мифы современной общеправовой теории : монография / В. П. Малахов. — Москва : ЮНИТИ, 2013. — 150 с.

38. Малинова, И. П. Философия права : учебник / И. П. Малинова. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. — 192 с.
39. Малиновская, Н. В. Влияние идей гуманизма на развитие юридической науки / Н. В. Малиновская // Вестник Воронежского института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 139—144.
40. Малиновский, А. А. Римская юриспруденция : методология и дидактика / А. А. Малиновский // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 4 (100). — С. 29—35.
41. Мальцев, Г. В. Проблема частного и публичного права / Г. В. Мальцев // Социология власти. Вестник Социологического центра РАГС. — 2003. — № 3. — С. 20—46.
42. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. — Москва : Проспект, 2005. — 768 с.
43. Михайлов, А. М. Проблема деления права на частное и публичное: мифы и реальность / А. М. Михайлов // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2015. — № 1 (20). — С. 79—93.
44. Муромцев, С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев. — Москва : Издательство Юрайт, 2017. — 210 с.
45. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсесянц. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 560 с.
46. Нуриев, А. Х. К вопросу о целесообразности деления права на частное и публичное / А. Х. Нуриев // Ленинградский юридический журнал. — 2011. — № 2 (24). — С. 200—215.
47. Общая теория государства и права : учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. — Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. — 391 с.
48. Пучков, В. О. Правоведение цифровой эпохи в контексте естественнонаучного и гуманитарного познания / В. О. Пучков // Механизм правового регулирования: история и современность : V Алексеевские чтения / отв. ред. В. Д. Перевалов. — Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019.
49. Радбрух, Г. Философия права : пер. с нем. / Г. Радбрух. — Москва : Международные отношения, 2004. — 240 с.
50. Рассказов, Л. П. Теория государства и права : углубленный курс : учебник / Л. П. Рассказов. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2015. — 560 с.
51. Рожкова, М. А. Информация как объект гражданских прав / М. А. Рожкова // III Сибирские правовые чтения : сборник научных статей / отв. ред. В. И. Осейчук. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2019.
52. Розин, В. М. Логика и методология: от «Аналитик» Аристотеля к «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна / В. В. Розин. — Москва : Ленанд, 2014. — 272 с.
53. Рыбаков, О. Ю. Частное и публичное право в России XIX — начале XX веков (историко-теоретический аспект) / О. Ю. Рыбаков, М. Н. Лядащева-Ильичева, Т. А. Желдыбина // LexRussica (Русский Закон). — 2010. — Т. 69, № 5. — С. 931—950.
54. Сабо, И. Основы теории права : пер. с венг. / И. Сабо ; под ред. и с вступ. статьей д-ра юрид. наук В. А. Туманова. — Москва : Прогресс, 1974. — 270 с.
55. Савчук, В. В. Медиафилософия : приступ реальности / В. В. Савчук. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2014. — 348 с.
56. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
57. Степин, В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — 743 с.
58. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. — 264 с.
59. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. — Москва : Юрист, 2003. — 592 с.
60. Томсинов, В. А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества : историко-сравнительное юридическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Томсинов Владимир Алексеевич. — Гродно : Гродненский государственный университет, 1993. — 352 с.
61. Трубецкой, Е. Н. Лекции по энциклопедии права / Кн. Е. Н. Трубецкой. — Москва : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1917. — 227.
62. Фархутдинов, Л. И. Соотношение понятий права и закона в контексте языка философии / Л. И. Фархутдинов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2012. — Т. 154, № 1. — С. 214—219.

63. Хубиев, Т. Р. Виртуальные игры в рамках гражданского права / Т. Р. Хубиев, А. А. Серветник // Отечественная юриспруденция. — 2016. — № 11 (13). — С. 5—7.
64. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. — Екатеринбург : Наука, 1993. — 189 с.
65. Черепяхин, Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве / Б. Б. Черепяхин // Сборник трудов профессором и преподавателей Иркутского государственного университета. — Иркутск : Иркут. 1-я гостиполит., 1926. — 26 с.
66. Шпенглер, О. Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории : в 2 томах. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер ; пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. — Москва : Мысль, 1998. — 606 с.
67. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Школа Культурной Политики, 1995. — 800 с.
68. Gilson J. L'étude du droit romain comparé aux autres droits de l'antiquité. Paris, Strasbourg, K. J. Trübner, 1899, 295 p.
69. Lenel O. Geschichte und Quellen des römischen Rechts von C. G. Bruns unter Benutzung der Bearbeitung von A. Pernice neubearb, Enzyklopädie der Rechtswissenschaft. Bd. 1. Frankfurt am Main, Duncker&Humblot, 1915.

References

1. Alekseev, N. N. Ocherki po obshchey teorii gosudarstva : Vyp. 1 : Osnovnye predposylki i gipotezy gosudarstvennoy nauki / N. N. Alekseev. — Moskva : Moskovskoe nauch. izd-vo, 1919. — 208 s.
2. Alekseev, S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve / S. S. Alekseev. — Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1966. — 187 s.
3. Alekseev, S. S. Obshchaya teoriya prava : kurs v 2 tomakh. Tom 1 / S. S. Alekseev. — Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1981. — 360 s.
4. Alekseev, S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave / S. S. Alekseev. — Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1989. — 286 s.
5. Alekseev, S. S. Teoriya prava / S. S. Alekseev. — Moskva : Izdatelstvo BEK, 1995. — 320 s.
6. Aristotel. Sobranie sochineniy v 4 tomakh. Tom 2 / Aristotel : red. Z. N. Mikeladze. — Moskva : Mysl, 1978. — 687 s.
7. Aristotel. Etika / Aristotel. — Sankt-Peterburg : Filos. o-vo pri Imp. S.-Peterb. un-te : Tipografiya t-va Obshchestvennaya polza, 1908. — LXIV, 207 s.
8. Arkhipov, V. V. Virtualnoe pravo: osnovnye problemy novogo napravleniya yuridicheskikh issledovaniy / V. V. Arkhipov // Pravovedenie. — 2013. — № 2 (307). — S. 93—114.
9. Arkhipov, V. V. Semanticheskie predely prava v usloviyakh medialnogo povorota: teoretiko-pravovaya interpretatsiya : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01 / Arkhipov Vladislav Vladimirovich. — Sankt-Peterburg : SPbGU, 2019. — 757 s.
10. Bakulina, L. T. Obshchaya teoriya dogovornogo pravovogo regulirovaniya : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01 / Bakulina Liliya Talgatovna. — Moskva : Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2019. — 440 s.
11. Bachilo, I. L. Pravo i zakon : infokommunikativnyy aspekt / I. L. Bachilo // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy Akademii Nauk. — 2013. — № 4. — S. 37—47.
12. Belykh, V. S. Modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki i predprinimatelskogo zakonodatelstva : voprosy teorii i praktiki : monografiya / V. S. Belykh ; pod obshchey red. akad. RAN A. I. Tatarkina. — Yekaterinburg : Institut ekonomiki UrO RAN, 2011. — 263 s.
13. Berg, L. N. Issledovanie pravovogo vozdeystviya: metodologiya, teoriya, praktika : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01 / Berg Lyudmila Nikolaevna. — Yekaterinburg, 2018. — 429 s.
14. Berman, G. Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya / G. Dzh. Berman ; per. s angl. — 2-e izd. — Moskva : Izd-vo MGU : Izdatelskaya gruppa INFRA-M — NORMA, 1998. — 624 s.
15. Bratus, S. N. O predmete sovetskogo grazhdanskogo prava / S. N. Bratus // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1940. — № 1.
16. Byalt, V. S. Sistema sotsial'nogo regulirovaniya: teoretiko-pravovoy aspekt / V. S. Byalt, S. N. Triputin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii. — 2017. — № 1 (73).
17. Gadzhiev, G. A. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitelnosti) : monografiya / G. A. Gadzhiev. — Moskva : Norma : INFRA-M, 2013. — 320 s.
18. Gegel, G. V. F. Nauka logiki / G. V. F. Gegel. — Sankt-Peterburg : Nauka : S.-Peterb. izd. firma, 1997. — 799 s.

19. Grafskiy, V. G. Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva : uchebnyk dlya vuzov / V. G. Grafskiy. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Norma, 2007. — 752 s.
20. Gribakin, A. V. Predelnye osnovaniya normativnosti obshchestvennoy zhizni, povedeniya individov / A. V. Gribakin // Mir cheloveka : normativnoe izmerenie-2 : sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Saratov, 29—30 aprelya 2010 g.) / redkol.: I. D. Nevvazhay (otv. red.) [i dr.] — Saratov : Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2010. — S. 13—17.
21. Dvadsat lektsiy po filosofii : ucheb. posobie / A. B. Gribakin, Yu. G. Yershov, V. E. Kemerov [i dr.] ; Ros. filos. o-vo i dr. — 2-e izd. — Yekaterinburg : Bank kulturnoy informatsii, 2002. — 408 s.
22. Dyugi, L. Obshchie preobrazovaniya grazhdanskogo prava so vremeni kodeksa Napoleona / L. Dyugi ; per. s frants. M. M. Sivers, pod red. i s predisl. prof. A. G. Goykhbarga. — Moskva : Gos. izd-vo, 1919. — 110 s.
23. Isaev, I. A. Tenevaya storona zakona. Irratsionalnoe v prave : monografiya / I. A. Isaev. — Moskva : Prospekt, 2014. — 364 s.
24. Kazantsev, M. F. Dogovornoe regulirovanie : tsivilisticheskaya kontseptsiya / M. F. Kazantsev. — Yekaterinburg : Tip. Tsentra akad. obsluzhivaniya UrO RAN, 2005. — 449 s.
25. Kachanov, Yu. L. Epistemologiya sotsialnoy nauki / Yu. L. Kachanov. — Sankt-Peterburg : Aleteyya, 2007. — 228 s.
26. Kirillova, N. B. Mediakultura i osnovy mediamenedzhmenta : ucheb. posobie / N. B. Kirillova. — Yekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014. — 182 s.
27. Kirillova, N. B. Mediakultura : teoriya, istoriya, praktika / N. B. Kirillova. — Moskva : Kultura : Akad. proekt, 2008. — 494 s.
28. Kistyakovskiy, B. A. Sotsialnye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsialnykh nauk i obshchey teorii prava / B. A. Kistyakovskiy. — Moskva : M. i S. Sabashnikovy, 1916. — 704 s.
29. Kozlikhin, I. Yu. Gugo Grotsiy / I. Yu. Kozlikhin // Pravovedenie. — 1999. — № 4. — S. 263—271.
30. Koretskiy, A. D. Teoriya dogovornogo regulirovaniya grazhdansko-pravovykh otnosheniy : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.03 / Koretskiy Arkadiy Danilovich. — Rostov-na-Donu : Severo-Kavkazskaya Akademiya gosudarstvennoy sluzhby, 2007. — 58 s.
31. Korkunov, N. M. Lektsii po obshchey teorii prava / N. M. Korkunov ; avt. predisl. I. Yu. Kozlikhin. — Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. — 430 s.
32. Kravchenko, D. E. Novoe ili neuregulirovannoe staroe / D. E. Kravchenko, M. E. Kravchenko // Rossiyskaya yustitsiya v XXI veke : realii, problemy, perspektivy. — 2019, vyp. 3.
33. Lisachenko, A. V. Pravo virtualnykh mirov: novye obekty grazhdanskikh prav / A. V. Lisachenko // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2014. — № 2 (95).
34. Lukoyanov, K. I. Kontseptsiya chastnogo prava v metafizike Immanuila Kanta : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01 / Lukoyanov Konstantin Igorevich. — Sankt-Peterburg, 2004. — 24 s.
35. Lyubashits, V. Ya. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnoe posobie / V. Ya. Lyubashits, A. Yu. Mordovtsev, A. Yu. Mamychev. — 3-e izd. — Moskva : ITS RIOR : NITs INFRA-M, 2015. — 526 s.
36. Lyapin, S. Kh. Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda / S. Kh. Lyapin // Kontsepty. Nauchnye trudy Tsentrokontsepta. Vyp. 1. — Arkhangelsk : Izd-vo Arkhangelskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997. — S. 11—35.
37. Malakhov, V. P. Mify sovremennoy obshcheppravovoy teorii : monografiya / V. P. Malakhov. — Moskva : YUNITI, 2013. — 150 s.
38. Malinova, I. P. Filosofiya prava : uchebnyk / I. P. Malinova. — Moskva : Norma : INFRA-M, 2020. — 192 s.
39. Malinovskaya, N. V. Vliyanie idey gumanizma na razvitie yuridicheskoy nauki / N. V. Malinovskaya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — № 1. — S. 139—144.
40. Malinovskiy, A. A. Rimskaya yurisprudentsiya : metodologiya i didaktika / A. A. Malinovskiy // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. — 2017. — № 4 (100). — S. 29—35.
41. Maltsev, G. V. Problema chastnogo i publichnogo prava / G. V. Maltsev // Sotsiologiya vlasti. Vestnik Sotsiologicheskogo tsentra RAGS. — 2003. — № 3. — S. 20—46.
42. Marchenko, M. N. Problemy teorii gosudarstva i prava : uchebnyk / M. N. Marchenko. — Moskva : Prospekt, 2005. — 768 s.
43. Mikhaylov, A. M. Problema deleniya prava na chastnoe i publichnoe: mify i realnost / A. M. Mikhaylov // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. — 2015. — № 1 (20). — S. 79—93.
44. Muromtsev, S. A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava / S. A. Muromtsev. — Moskva : Izdatelstvo Yurayt, 2017. — 210 s.
45. Nersesyants, V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva : uchebnyk / V. S. Nersesyants. — Moskva : Norma: INFRA-M, 2012. — 560 s.
46. Nuriev, A. Kh. K voprosu o tselesoobraznosti deleniya prava na chastnoe i publichnoe / A. Kh. Nuriev // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2011. — № 2 (24). — S. 200—215.

47. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / pod red. S.Yu.Naumova, A.S.Mordovtsova, T.V.Kasaevoy. — Saratov : Saratovskiy sotsialno-ekonomicheskiy institut (filial) REU im. G.V.Plekhanova, 2018. — 391 s.
48. Puchkov, V. O. Pravovedenie tsifrovoy epokhi v kontekste estestvennonauchnogo i gumanitarnogo poznaniya / V. O. Puchkov // Mekhanizm pravovogo regulirovaniya: istoriya i sovremennost : V Alekseevskie chteniya / otv. red. V. D. Perevalov. — Yekaterinburg : Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2019.
49. Radbrukh, G. Filosofiya prava : per. s nem. / G. Radbrukh. — Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. — 240 s.
50. Rasskazov, L. P. Teoriya gosudarstva i prava : uglublennyy kurs : uchebnik / L. P. Rasskazov. — Moskva : RIOR : INFRA-M, 2015. — 560 s.
51. Rozhkova, M. A. Informatsiya kak obekt grazhdanskikh prav / M. A. Rozhkova // III Sibirskie pravovye chteniya : sbornik nauchnykh statey / otv. red. V. I. Oseychuk. — Tyumen : Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019.
52. Rozin, V. M. Logika i metodologiya: ot «Analitik» Aristotelya k «Logiko-filosofskomu traktatu» L. Vitgenshteyna / V. V. Rozin. — Moskva : Lenand, 2014. — 272 s.
53. Rybakov, O. Yu. Chastnoe i publichnoe pravo v Rossii XIX — nachale XX vekov (istoriko-teoreticheskiy aspekt) / O. Yu. Rybakov, M. N. Lyadashcheva-Ilicheva, T. A. Zheldybina // LexRussica (Russkiy Zakon). — 2010. — T. 69, № 5. — S. 931—950.
54. Sabo, I. Osnovy teorii prava : per. s veng. / I. Sabo ; pod red. i s vstup. statey d-ra yurid. nauk V. A. Tumanova. — Moskva : Progress, 1974. — 270 s.
55. Savchuk, V. V. Mediafilosofiya : pristup realnosti / V. V. Savchuk. — 2-e izd., ispr. i dop. — Sankt-Peterburg : Izd-vo RKHGA, 2014. — 348 s.
56. Stepanov, Yu. S. Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya / Yu. S. Stepanov. — Moskva : Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1997. — 824 s.
57. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie : Struktura, istoricheskaya evolyutsiya / V. S. Stepin. — Moskva : Progress-Traditsiya, 2000. — 743 s.
58. Tarasov, N. N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki / N. N. Tarasov. — Yekaterinburg : Izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 2001. — 264 s.
59. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / pod red. V. K. Babaeva. — Moskva : Yurist, 2003. — 592 s.
60. Tomsinov, V. A. Yurisprudentsiya v dukhovnoy kulture drevnego i srednevekovogo obshchestva: istoriko-sravnitelnoe yuridicheskoe issledovanie : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01 / Tomsinov Vladimir Alekseevich. — Grodno : Grodnenskiy gosudarstvennyy universitet, 1993. — 352 s.
61. Trubetskoy, E. N. Lektsii po entsiklopedii prava / Kn. E. N. Trubetskoy. — Moskva : T-vo tip. A. I. Mamontova, 1917. — 227.
62. Farkhutdinov, L. I. Sootnoshenie ponyatiy prava i zakona v kontekste yazyka filosofii / L. I. Farkhutdinov // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. — 2012. — T. 154, № 1. — S. 214—219.
63. Khubiev, T. R. Virtualnye igry v ramkakh grazhdanskogo prava / T. R. Khubiev, A. A. Servetnik // Otechestvennaya yurisprudentsiya. — 2016. — № 11 (13). — S. 5—7.
64. Cherdantsev, A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v prave, yuridicheskoy nauke i praktike / A. F. Cherdantsev. — Yekaterinburg : Nauka, 1993. — 189 s.
65. Cherepakhin, B. B. K voprosu o chastnom i publichnom prave / B. B. Cherepakhin // Sbornik trudov professorov i prepodavateley Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. — Irkutsk : Irkut. 1-ya gostipolit., 1926. — 26 s.
66. Shpengler, O. Zakat Yevropy : Ocherki morfologii mirovoy istorii : v 2 tomakh. Tom 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy / O. Shpengler ; per. s nem. i primech. I. I. Makhankova. — Moskva : Mysl, 1998. — 606 s.
67. Shchedrovitskiy, G. P. Izbrannyye trudy / G. P. Shchedrovitskiy. — Moskva : Shkola Kulturnoy Politiki, 1995. — 800 s.
68. Gilson J. L'étude du droit romain comparé aux autres droits de l'antiquité. Paris, Strasbourg, K. J. Trübner, 1899, 295 p.
69. Lenel O. Geschichte und Quellen des römischen Rechts von C. G. Bruns unter Benutzung der Bearbeitung von A. Pernice neubearb, Enzyklopädie der Rechtswissenschaft. Bd. 1. Frankfurt am Main, Duncker&Humblot, 1915.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.03.2020.